

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.084-094

Д. В. Андриянов*

Применение смарт-контрактов и блокчейн-платформ в трансграничных нефтегазовых сделках: обострение коллизионной проблемы¹

Аннотация. Современный международный оборот углеводородов становится все более автономным и децентрализованным. Этому способствует не только внедрение в договорную практику таких сетевых технологий, как смарт-контракты и блокчейн-платформы, но и широкое распространение источников негосударственного регулирования (*lex petrolea*). В условиях сетевой парадигмы международного частного права усугубляется классическая проблема конфликта законов. Автор рассматривает коллизионные аспекты применения смарт-контрактов на основе технологии блокчейн в трансграничных нефтегазовых сделках, принимая во внимание, что использование компьютерных алгоритмов не создает новый договор, а является лишь особой формой сделки. Такие «автоматизированные» сделки в нефтегазовом секторе, связанные с несколькими юрисдикциями, порождают неопределенность их правового режима. В отсутствие полноценного материально-правового регулирования, а также в связи с явлением *lex petrolea* коллизионный метод регулирования является фактически доминирующим. Автор делится своими рассуждениями о возможности распространения на смарт-контракты Регламента № 593/2008 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам (Рим I)», из чего делает вывод о том, что существующее регулирование вполне применимо к смарт-контрактам, исполняющим трансграничные нефтегазовые сделки. Другой вопрос, предлагает ли закон, применимый в силу коллизионной нормы, подходящую материально-правовую основу. На сегодняшний день специальное законодательство о смарт-контрактах принято лишь в нескольких американских штатах. Прогнозируется, что в будущем международное частное право не только будет определять применимое к смарт-контрактам право, но и станет проводником, распространяющим положительный опыт правового регулирования смарт-контрактов в разных странах.

Ключевые слова: трансграничные нефтегазовые сделки; блокчейн; смарт-контракты; цифровизация; сетевое право; *lex petrolea*; международное частное право; нефтегазовая отрасль; негосударственное регулирование; *lex mercatoria*; применимое право.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16061.

© Андриянов Д. В., 2020

* Андриянов Дмитрий Вадимович, аспирант кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
andriyanov-msk@yandex.ru

Для цитирования: Андриянов Д. В. Применение смарт-контрактов и блокчейн-платформ в трансграничных нефтегазовых сделках: обострение коллизионной проблемы // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 6. — С. 84—94. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.084-094.

Application of Smart Contracts and Blockchain Platforms in Cross-Border Oil and Gas Transactions: Aggravation of Conflict-of-Laws Problem²

Dmitry V. Andriyanov, Postgraduate Student, Department of Private International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
andriyanov-msk@yandex.ru

Abstract. Modern international hydrocarbons turnover is becoming more autonomous and decentralized. This process is facilitated not only by the introduction into contractual practice of such network technologies as smart contracts and blockchain platforms, but also by the wide dissemination of sources of non-governmental regulation (*lex petrolea*). In the context of the network paradigm of private international law, the classic problem of conflict of laws is exacerbated. The author considers the conflict-of-laws aspects of the use of smart contracts based on blockchain technology in cross-border oil and gas transactions, taking into account the fact that the use of computer algorithms does not create a new contract, but is only a special form of transaction. Such “automated” transactions in the oil and gas sector involving multiple jurisdictions create uncertainty in their legal regime. In the absence of a comprehensive substantive legal regulation, and in connection with the phenomenon of *lex petrolea*, the conflict-of-laws method of regulation predominates. The author shares his reasoning concerning the possibility of extending the application of Regulation No. 593/2008 of the European Parliament and the Council of the European Union “On the Law to be Applicable to contractual obligations (Rome I)” to smart contracts. The author concludes that existing regulation is quite applicable to smart contracts in cross-border oil and gas transactions. Another question is whether the law, which is applicable by virtue of a conflict-of-laws rule, provides for an appropriate substantive basis. To date, special legislation on smart contracts has been passed in only several American states. It is predicted that in the future, private international law will not only determine the law applicable to smart contracts, but will also be a guide to disseminating the positive experience of legal regulation of smart contracts in different countries.

Keywords: cross-border oil and gas transactions; blockchain; smart contracts; digitalization; network law; *lex petrolea*; international private law; oil and gas industry; non-government regulation; *lex mercatoria*; applicable law.

Cite as: Andriyanov DV. Primenenie smart-kontraktov i blokcheyn-platform v transgranichnykh neftegazovykh sdelkakh: obostrenie kollizionnoy problemy [Application of Smart Contracts and Blockchain Platforms in Cross-Border Oil and Gas Transactions: Aggravation of Conflict-of-Laws Problem]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(6):84—94. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.084-094. (In Russ., abstract in Eng.).

I. Блокчейн и смарт-контракты: как это работает в энергетике?

Каждый день миллионы баррелей нефти и кубометров газа покупаются и продаются на международных рынках. Этому предшествует сложная цепочка отношений, поэтому в структуре

углеводородного бизнеса принято выделять три цикла операций: разведка, разработка и добыча ресурсов (*upstream*); обработка, хранение, транспортировка по трубопроводам или на морских судах (*midstream*); химическая переработка, маркетинг, продажи (*downstream*). Все эти операции оформляются контрактами, которые

---

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-16061.

предлагается именовать трансграничными нефтегазовыми сделками. Речь идет о наиболее распространенных в нефтегазовой отрасли договорах купли-продажи сырой нефти и газа, концессионных, лицензионных, нефтесервисных соглашениях, соглашениях о разделе продукции (PSAs), соглашениях о совместной деятельности (JOAs) и др.³ Как правило, в них присутствует иностранный элемент (чаще всего — транснациональные субъекты, нахождение за рубежом имущества, исполнение договора на территории разных государств), что делает их собственно трансграничными, открывая двери в международное частное право (МЧП).

Как отмечает К. О. Гарсия-Кастрильон, «на практике для разведки и разработки нефтяных или газовых месторождений могут одновременно использоваться различные виды контрактов, образуя *сеть* (выделено мной. — Д. А.), раскрывающую сложный характер взаимоотношений сторон»⁴. Для целей управления этой сетью и облегчения международного оборота нефти и газа стороны трансграничных нефтегазовых сделок стали активно внедрять блокчейн-платформы и смарт-контракты⁵. Как технология, которая хранит и передает данные, блокчейн сам по себе, конечно же, не может генерировать или транспортировать энергоресурсы, однако его выгодно отличает направленность и применимость к регулированию отношений.

Так, например, при международной морской перевозке нефти или сжиженного природного газа используется коносамент. Блокчейн призван заменить коносамента, сделать торговлю и транспортировку углеводородов «безбумажными», а связанный с этим контроль — менее подверженным человеческому фактору.

Кроме того, добывающие компании часто зависят от нефтесервисных компаний и других подрядчиков, а каждый проект является связующим звеном многочисленных, перекрывающихся и децентрализованных цепочек поставок. В поставке товаров участвует множество субъектов: производители, импортеры, экспортеры, экспедиторы, курьеры, импортные и экспортные терминалы, перевозчики и банки. Эффективное управление цепочкой поставок имеет решающее значение для достижения успеха: существует множество взаимозависимостей, когда неспособность поставщика доставить в срок товар по цепной реакции ведет к срыву нескольких других сделок. Смарт-контракты на основе технологии блокчейн решают и эту проблему.

В соглашениях о совместной деятельности (JOAs) блокчейн способен уменьшить, если не устранить, необходимость в согласованиях между контрагентами, а также ускорить обработку данных, контролируемых третьими лицами. Смарт-контракты обеспечивают проведение голосования партнеров по новым проектам, выполняют биллинг совместных интересов и

³ Подробная классификация сделок: Choi Woosug. Oil and Gas Law: Types of Agreement in International Oil and Gas Operations // URL: <http://scholar.dkyobobook.co.kr/searchDetail.laf?barcode=4010025836410#> (дата обращения: 06.12.2019).

⁴ Garcia-Castrillon C. O. Reflections on the Law Applicable to International Oil Contracts // Journal of World Energy Law and Business. 2013. Vol. 6. № 2. P. 5.

⁵ В ноябре 2019 г. компании Chevron, ConocoPhillips, Equinor, ExxonMobil, Hess, Marathon, Noble Energy, Pioneer Natural Resources, Repsol и Shell учредили блокчейн-консорциум The OOC Oil & Gas Blockchain Consortium (см.: URL: <https://www.worldoil.com/news/2019/9/11/consortium-of-oil-gas-operators-awards-blockchain-pilot-contract> (дата обращения: 06.12.2019)). В 2018 г. в целях упрощения торговли сырой нефтью и другими сырьевыми товарами консорциум крупных нефтяных компаний, энергетических торговых фирм и банков Vakt запустил блокчейн-платформу, успешно реализовав проект по «безбумажной» торговле и отмене традиционных коносаментов (см.: URL: <https://forklog.com/neftyanye-giganty-bp-i-shell-zapustili-blokchejn-platformu-dlya-torgovli-syrevymi-produktami/> (дата обращения: 06.12.2019)). На газовом рынке платформа BTL Interbit использует блокчейн и смарт-контракты, чтобы ускорить обременительные процессы согласования условий договоров (см.: URL: http://btl.co/download/BTL_Powered_by_Blockchain.pdf (дата обращения: 06.12.2019)).

сообщают о доходах от совместного производства. Проще говоря, эта изменяющая правила игры технология обеспечивает понимание, кто во всей цепочке надлежало или ненадлежало исполнять свои обязательства⁶.

Осмысление происходящего удачно встраивается в контекст научных парадигм Т. Куна с присущим им методологическим плюрализмом и междисциплинарностью⁷. Парадигмальный подход позволяет исследовать и оценивать отягощенные глобализацией экономики и развитием техники новые правовые или квазиправовые реалии, которые до этого, казалось, было невозможно даже объяснить юридическим языком. Если все же говорить о новой парадигме права⁸, то наиболее подходящей теорией, по нашему мнению, выступает концепт « сетевого права », порожденный не менее загадочными « сетевым государством » и « сетевым обществом »⁹. Испанский социолог-урбанист Мануэль Кастельс пишет о них как о динамичных открытых системах, в основе которых лежат сети производства, власти и опыта¹⁰. Энергетика, подобно современному миру в целом, также состоит из многочисленных производственных, экономических, политических, юридических, информационных сетей, укрепляющихся благодаря Интернету и внедряемым сетевым технологиям.

Играя на контрасте с позитивистской правовой парадигмой, МЧП в условиях сетевой экономики выполняет особую роль, что предопределено самим предметом регулирования — трансграничными частноправовыми отношениями, находящимися на передовой глобализационных процессов. Этому коррелирует уникальный инструментарий — коллизионный и материально-правовой методы регулирования, унификация и гармонизация, способы разрешения конфликта юрисдикций, возможность применения к трансграничным сделкам негосударственных источников и многое другое.

М. В. Мажорина впервые в отечественной доктрине поставила вопрос о сетевой парадигме МЧП¹¹. Называя коллизионные нормы своего рода маршрутизаторами сети, « связывающими общественные отношения с юрисдикциями и правопорядками разных государств », она верно отмечает, что « методология МЧП обладает значительным адаптивным потенциалом в выстраивании и перенастраивании регуляторных сетей, переопределении границ действия права, санкционировании применения тех или иных нормативных систем, поиске наиболее тесной связи общественных отношений с нормативными регуляторами, паттернизации частного права »¹².

⁶ Dentons. Global Energy Game Changers — Blockchain in the energy sector: evolving business models and law // URL: <https://www.dentons.com/en/insights/guides-reports-and-whitepapers/2018/october/1/global-energy-game-changers-block-chain-in-the-energy-sector> (дата обращения: 06.12.2019).

⁷ Кун Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. М. : Прогресс, 1977. 300 с.

⁸ Domingo R. Gaius, Vattel, and the New Global Law Paradigm // European Journal of International Law. 2011. Vol. 22 (3). Pp. 627—647.

⁹ Кастельс М. Власть коммуникации : учебное пособие / пер. с англ. под науч. ред. А. И. Черных. М. : Изд. дом ВШЭ, 2017. 592 с.

¹⁰ Castells M. The Information Age. Economy, Society, and Culture. The Rise of the Network Society. N. Y., 2010. P. 501.

¹¹ Мажорина М. В. Сетевая парадигма международного частного права: контурирование концепции // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4. С. 140—159 ; Она же. Международное частное право в условиях глобализации: от разгосударствления к фрагментации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 193—217 ; Она же. Цифровые платформы и международное частное право, или Есть ли будущее у киберправа? // Lex russica. 2019. № 2. С. 107—120.

¹² Мажорина М. В. Сетевая парадигма международного частного права: контурирование концепции. С. 145, 155.

II. Обострение коллизионной проблемы

Согласитесь, любопытно наблюдать, как право реагирует на меняющиеся условия. Распространение блокчейн-платформ и смарт-контрактов спровоцировало настоящий взрыв научных исследований¹³.

Блокчейн представляет собой децентрализованную цифровую базу данных, которая содержит информацию о всех совершенных транзакциях и функционирует на основе криптографических алгоритмов¹⁴. С технологией блокчейн тесно связан концепт смарт-контракта, который впервые был описан Ником Сабо как «компьютеризированный протокол транзакций, выполняющий условия контракта», направленный на «удовлетворение общих договорных условий... минимизацию их нарушений, как злонамеренных, так и случайных, сокращение посредников, а также снижение потерь от других транзакционных издержек»¹⁵. Принцип работы блокчейна и смарт-контрактов напоминает торговый автомат. Если правильные монеты или купюры вставлены в слот, бутылка воды опрокинется в контейнер; если бутылка не опрокидывается или отсутствует, деньги возвращаются покупателю.

М. Ланг и М. Мюллер применительно к энергетике задаются вопросом, являются ли смарт-контракты договорами в юридическом

смысле, или же они являются автоматизированными компьютерными протоколами, которые выполняют обязательства, содержащиеся в данном договоре, на основе условий, оговоренных в нем и согласованных вне компьютерного кода¹⁶. И хотя ответ на вопрос будет зависеть от соответствующей юрисдикции, даже если смарт-контракты сами по себе не квалифицируются как договоры, нет сомнений в том, что классическое договорное право применяется к основной сделке и что смарт-контракты, выраженные при помощи компьютерного кода, должны соответствовать определенному применимому праву.

Не вмешиваясь в дискуссию о правовой природе смарт-контрактов, для целей коллизионного права следует исходить из следующего. Использование компьютерных алгоритмов не создает новый договор. Это исключительно вопрос формы сделки. Стороны заключают трансграничную нефтегазовую сделку в традиционной форме, где часть обязательств, поддающихся автоматизации, записывается на языке программирования. Е. Е. Богданова считает, что речь идет об «элементе договора, который заключается в электронной форме с автоматизированным с помощью компьютерной программы исполнением возникшего обязательства»¹⁷. Аналогичной точки зрения

¹³ Например: *Лукоянов Н. В.* Правовые аспекты заключения, изменения и прекращения смарт-контрактов // *Юридические исследования*. 2018. № 11. С. 28—35; *Савельев А. И.* Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // *Закон*. 2017. № 5. С. 94—117; *Гринь О. С., Гринь Е. С., Соловьев А. В.* Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения // *Lex russica*. 2019. № 8. С. 51—62; *Raskin M.* The Law and Legality of Smart Contracts // *Georgetown Law Technology Review*. 2017. Vol. 1. 37 p.; *Janssen A.* The Formation of Smart Contracts and Beyond: Shaking the Fundamentals of Contract Law? // URL: https://www.researchgate.net/publication/327732779_The_Formation_of_Smart_Contracts_and_Beyond_Shaking_the_Fundamentals_of_Contract_Law (дата обращения: 14.12.2019).

¹⁴ *Sulkowski A. J.* Blockchain, Business Supply Chains, Sustainability, and Law: The Future of Governance, Legal Frameworks, and Lawyers? // *Delaware Journal of Corporate Law*. 2019. № 43 (2). Pp. 303—345.

¹⁵ *Szabo N.* Smart Contracts: Building Blocks for Digital Markets // URL: http://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/smart_contracts_2.html (дата обращения: 14.12.2019).

¹⁶ *Lang M., Müller M.* Blockchain and Smart Contracts in the Energy Industry: A European Perspective // URL: <https://www.twobirds.com/~media/pdfs/blockchain-and-smart-contracts-in-the-energy-industry--article.pdf> (дата обращения: 14.12.2019).

придерживается Г. К. Дмитриева, по мнению которой «существенные характеристики таких договоров сводятся к их электронной форме, а также к автоматизированному исполнению обязательств по ним путем совершения цифровых транзакций в определенной соответствующими договорами последовательности и при наступлении соответствующих обстоятельств (заранее заложенных параметров сделки)»¹⁸.

Такую же логику использует и российский законодатель, конструируя новые нормы в рамках «цифровой реформы» ГК РФ¹⁹. Так, согласно пояснительной записке к законопроекту № 424632-7²⁰ «выражение лицом своей воли с помощью электронных или иных аналогичных технических средств (например, путем передачи сигнала, в том числе при заполнении формы в сети “Интернет”) будет приравнено к простой письменной форме сделки (уточнения вносятся в ст. 160, 432, 493, 494 ГК РФ). Это закладывает основу для заключения того, что в обиходе называют “смарт-контракт”».

Новую редакцию закона теперь можно использовать для целей квалификации понятия «смарт-контракт» в соответствии с российским правом при определении права, подлежащего применению (ст. 1192 ГК РФ). А говоря о форме сделки, надлежит исходить из того, что она под-

чиняется праву страны, подлежащему применению к самой сделке (ст. 1209 ГК РФ). Отсюда актуализируется проблема поиска применимого к договору права.

Определение подлежащего применению права в трансграничных нефтегазовых сделках представляет известную сложность. Использование при этом блокчейн-платформ и смарт-контрактов приводит к обострению коллизионной проблемы. Причины, как представляется, состоят в следующем.

Во-первых, отсутствие широкого круга унифицированных материально-правовых источников делает коллизионный метод регулирования трансграничных нефтегазовых сделок фактически доминирующим.

По-прежнему неоднозначно решается вопрос о применении Венской конвенции 1980 г.²¹ к договорам международной купли-продажи углеводородов. Если в силу п. 1 ст. 2 Энергоэнергия прямо изъята из сферы действия Конвенции, то в отношении нефти и газа существует неопределенность. По мнению А. В. Асоскова, Венская конвенция 1980 г. все же распространяется на торговлю энергоносителями²². С этим следует согласиться, принимая во внимание отсутствие в Конвенции прямого запрета. Иногда эту точку зрения разделяют и националь-

¹⁷ Богданова Е. Е. Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом // *Lex russica*. 2019. № 7. С. 109.

¹⁸ Дмитриева Г. К. Цифровые финансовые активы: проблемы коллизионного регулирования // *Актуальные проблемы российского права*. 2019. № 5. С. 121.

¹⁹ Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей ГК РФ» // *Российская газета*. 2019. № 60.

²⁰ Пояснительная записка к законопроекту № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей ГК РФ (о цифровых правах)» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/424632-7> (дата обращения: 14.12.2019).

²¹ Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. // *Вестник ВАС РФ*. 1994. № 1.

²² Асосков А. В. Венская конвенция ООН 1980 года о договорах международной купли-продажи товаров : постатейный комментарий к положениям, определяющим сферу ее применения. М. : Инфотропик Медиа, 2013. 300 с.

²³ Верховный суд Австрии решением по делу 10 Ob 518/95 (Propane case) от 6 февраля 1996 г. признал природный газ материальной вещью по смыслу Венской конвенции 1980 г. независимо от его состояния — жидкого или газообразного (см.: URL: <https://cisgw3.law.pace.edu/cases/960206a3.html> (дата обращения: 14.12.2019)).

ные суды²³. Договор к Энергетической хартии 1994 г.²⁴ и двусторонние международные договоры о поощрении и защите иностранных инвестиций, часто применяемые к трансграничным нефтегазовым сделкам, являются инвестиционными инструментами, что ограничивает сферу их действия отношениями «государство — иностранный инвестор».

Во-вторых, беспрецедентный рост источников негосударственного регулирования и широко толкуемый концепт «норм права» (rules of law) вынуждает нас по-новому смотреть на принцип *lex voluntatis* в МЧП²⁵. Получает распространение автономное «транснациональное нефтегазовое право» — *lex petrolea*, базирующееся на философии правового плюрализма, согласно которой квалификация в качестве «применимого права» зависит не от санкционирования его государством, а от того, было ли оно одобрено профессиональным сообществом в конкретной отрасли экономики²⁶. Возрастают риски коллизии права и «неправа».

В-третьих, само существование смарт-контрактов и технологии блокчейн застает юристов врасплох, порождая неопределенность в вопросах применимого права и коллизионного регулирования. Последнее нуждается в некоторых комментариях.

III. Размышления о праве, применимом к смарт-контрактам

На протяжении веков философы, экономисты и юристы искали ответ на вопрос, как люди могут торговать друг с другом независимо от национальных законов и контроля со стороны государства. В последние годы дискуссия подпитывается феноменом цифровизации, в частности появлением блокчейна и смарт-контрактов. Первоначальные надежды на то, что смарт-контракты освободят обмен товарами и услугами от национальных законов, похоже, не оправдались. Классическое договорное право не только не изжило себя, но и продолжает активное развитие в новых условиях. Как и все другие договоры, смарт-контракты требуют, чтобы закон на них реагировал. Таким образом, решающий вопрос заключается не в том, подпадают ли смарт-контракты под действие закона, а в том, какому закону они подчиняются.

На сегодняшний день специальное законодательство о признании правовых последствий смарт-контрактов приняли штаты Делавэр²⁷, Аризона²⁸, Небраска²⁹, Теннесси³⁰, Вайоминг³¹, Иллинойс³² и Калифорния³³. В указанных штатах признаются автоматизированные смарт-контракты, даже если им не корреспондирует тра-

²⁴ Договор к Энергетической хартии 1994 г. // URL: <https://energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Legal/ECT-ru.pdf> (дата обращения: 14.12.2019).

²⁵ *Мажорина М. В.* О коллизии права и «неправа», реновации *lex mercatoria*, смарт-контрактах и блокчейн-арбитраже // *Lex russica*. 2019. № 7. С. 93—107.

²⁶ Подробнее: *Андрянов Д. В.* *Lex petrolea* и государственный суверенитет: проблема соотношения // Конституция РФ и современный правопорядок : материалы конференций : в 5 ч. М. : РФ-Пресс, 2019. Ч. 3. С. 123—128 ; *Он же.* Размышления о праве, применимом к международным нефтегазовым контрактам, в условиях сетевой парадигмы международного частного права // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. XVI Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) : материалы конференции : в 4 ч. М. : РФ-Пресс, 2019. Ч. 4. С. 26—33.

²⁷ General Corporation Law // URL: <https://delcode.delaware.gov/title8/c001/sc07/index.shtml> (дата обращения: 16.12.2019).

²⁸ House Bill 2417 // URL: <https://www.azleg.gov/legtext/53leg/1r/bills/hb2417p.pdf> (дата обращения: 16.12.2019).

²⁹ Legislature Bill 695 // URL: <https://legiscan.com/NE/text/LB695/2017> (дата обращения: 16.12.2019).

³⁰ House Bill 1507 // URL: <https://legiscan.com/TN/bill/HB1507/2017> (дата обращения: 16.12.2019).

³¹ House Bill 70 // URL: <https://legiscan.com/WY/bill/HB0070/2018> (дата обращения: 16.12.2019).

³² House Bill 5553 // URL: <https://legiscan.com/IL/bill/HB5553/2017> (дата обращения: 16.12.2019).

³³ Assembly Bill 2658 // URL: <https://legiscan.com/CA/bill/AB2658/2017> (дата обращения: 16.12.2019).

диционный договор в письменной форме. Таким образом, стороны могут быть уверены, что их сделка будет действительной, если в качестве применимого права ими будет избрано право любой юрисдикции, признающей юридические последствия смарт-контрактов. Однако следует иметь в виду общее правило коллизионного права США, согласно которому автономия воли сторон ограничена правом штата, имеющего «существенную связь» с контрактом (§ 187 Restatement (Second) of Conflict of Laws)³⁴.

В Европейском Союзе право, подлежащее применению к договорным обязательствам, определяется, как известно, в соответствии с Регламентом «Рим I»³⁵. В силу ст. 1 данный Регламент применяется в ситуациях, содержащих конфликт законов, к договорным обязательствам в гражданской и торговой сфере. Как следствие, не может быть сомнений в том, что сфера его применения охватывает также и смарт-контракты. Однако с учетом одной важной оговорки: Регламент «Рим I» применяется к договорным обязательствам в юридическом смысле. Смарт-контракт, как отмечалось ранее, — это часть программного кода, сводимая к форме, которая автоматизирует исполнение обязательств. Отсюда можно заключить, что положения Регламент «Рим I» применяются не к смарт-контракту как таковому, а только к контракту, который он помогает исполнить (к основной сделке). Вместе с тем прямое применение Регламент «Рим I» к смарт-контракту будет возможно, если он является юридически действительным согласно применимому праву (например, праву штатов Делавэр или Небраски). Таким образом, смарт-контракт, действующий как бы в виртуальной и децентрализованной среде, «легализуется» благодаря автономии воли сторон (ст. 3 Регламент «Рим I»), что обеспечивает

столь необходимую правовую определенность. Окончательное мнение по этому вопросу мог бы сформулировать Суд Европейского Союза, но пока этого сделано не было.

Если стороны не выбрали применимое право, судьи или арбитры сделают это на основании ст. 4 Регламент «Рим I». В этом случае важнейшее значение приобретает ответ на вопрос, какая именно сделка оформляется с помощью смарт-контракта (п. «а» — «h» пар. 1 ст. 4 Регламент «Рим I»). Выбор права, регулирующего смарт-контракт, должен учитывать форму и существо основной сделки, его бизнес-кейс, техническую сложность, количество участников и юрисдикционный охват³⁶. Если договор не подпадает под действие § 1, то включается коллизионная привязка о праве стороны, осуществляющей исполнение, имеющее решающее значение для договора. Наконец, если применимое право не может быть определено с учетом приведенных правил, то договор регулируется правом, определяемым с помощью принципа наиболее тесной связи (§ 4 ст. 4 Регламент «Рим I»). Сходное регулирование предусмотрено в ст. 1211 ГК РФ.

Существуют некоторые общие факторы, которые судьи и арбитры учитывают при определении права, имеющего наиболее тесную связь с трансграничной нефтегазовой сделкой (чаще всего носит характер смешанного договора). К таковым относятся: место заключения договора; место переговоров; место нахождения природного ресурса или нефтегазоносного пласта, являющегося предметом договора; место жительства сторон; место нахождения страховщика; язык договора; право, регулирующее любые связанные с ним отношения; форма сделки и правовые понятия, из которых состоит контракт; валюта, используемая для обязательств по договору³⁷.

³⁴ URL: <https://pravo.hse.ru/data/2016/02/28/1125591280/Свод%20конфликт%20США%20пар%20187%20188.pdf> (дата обращения: 16.12.2019).

³⁵ Регламент № 593/2008 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам (Рим I)» (принят в г. Страсбурге 17 июня 2008 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

³⁶ Smart Contracts: Is the Law Ready? // The Smart Contracts Alliance. An initiative of the Chamber of Digital Commerce. URL: <https://digitalchamber.org/smart-contracts-paper-press/> (дата обращения: 21.12.2019).

³⁷ *Wright Ch. J., Gallun R. A.* International Petroleum Accounting. PennWell Books. USA. 2005. P. 26.

Для решения коллизионной проблемы предлагается использовать теорию расщепления договорного статута (*Dépeçage*). По верному замечанию М. В. Мажориной, «не сто́ит исключать возможности использования юридической биотехнологии или расщепления договорного статута при применении смарт-контрактов»³⁸.

Применительно к трансграничным нефтегазовым сделкам, отличающимся сложностью структуры, когда один применимый закон не может охватывать все составные части одного договора, использование *Dépeçage* актуализируется. В рамках одной такой сделки можно выделить части по эксплуатации, проектированию, строительству, монтажу, международной перевозке, страхованию, разрешению споров, безопасности и экологическим аспектам. Несмотря на их логическую отделимость, они должны работать как единый организм, чтобы контракт был эффективным. Подчинение частей такой сделки разным правопорядкам (п. 4 ст. 1210 ГК РФ) упрощает его исполнение, что отвечает интересам сторон.

Кроме того, в трансграничных нефтегазовых сделках получают распространение оговорки, касающиеся внедрения «надлежащей практики разработки нефтегазовых месторождений», «лучшей практики», «передовой международной практики», «ведущей практики нефтяной промышленности» и т.п. Эти положения можно

рассматривать как практическое воплощение теории *Dépeçage*. Другими словами, принципы «надлежащей нефтепромысловой практики», которые широко используются транснациональными нефтегазовыми компаниями, будут применяться к соответствующим частям контракта, в то время как основное применимое право будет регулировать остальную часть контракта³⁹.

В заключение следует отметить, что существующее коллизионное регулирование вполне применимо к смарт-контрактам, исполняющим трансграничные нефтегазовые сделки. Вопрос в том, предлагает ли закон, применимый в силу коллизионной нормы, подходящую правовую основу для смарт-контрактов. В будущем стороны будут все чаще использовать автономию воли (*lex voluntatis*) для выбора юрисдикции с развитым законодательством. Как верно отмечает Г. Рюль, в долгосрочной перспективе МЧП будет не только определять право, применимое к смарт-контрактам, и тем самым способствовать правовой определенности, но также демонстрировать, какой закон лучше всего подходит для решения проблем цифровизации с точки зрения сторон⁴⁰. Это, в свою очередь, повлияет на процессы гармонизации и реформирования национального права, что приведет к улучшению законодательства для смарт-контрактов в разных странах.

³⁸ Мажорина М. В. О коллизии права и «неправа», реновации *lex mercatoria*, смарт-контрактах и блокчейн-арбитраже. С. 103.

³⁹ Подробнее: Андриянов Д. В. Мир *lex petrolea* в международном частном праве: поиск баланса между законодательством и интересами иностранных инвесторов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 10. С. 164—172.

⁴⁰ Rühl G. The Law Applicable to Smart Contracts, or Much Ado About Nothing? // URL: <https://www.law.ox.ac.uk/business-law-blog/blog/2019/01/law-applicable-smart-contracts-or-much-ado-about-nothing> (дата обращения: 24.12.2019).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андриянов Д. В. Lex petrolea и государственный суверенитет: проблема соотношения // Конституция РФ и современный правопорядок : материалы конференций : в 5 ч. — М. : РГ-Пресс, 2019. — Ч. 3. — С. 123—128.
2. Андриянов Д. В. Мир lex petrolea в международном частном праве: поиск баланса между законодательством и интересами иностранных инвесторов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 10. — С. 164—172.
3. Андриянов Д. В. Размышления о праве, применимом к международным нефтегазовым контрактам, в условиях сетевой парадигмы международного частного права // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. XVI Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) : материалы конференции : в 4 ч. — М. : РГ-Пресс, 2019. — Ч. 4. — С. 26—33.
4. Асосков А. В. Венская конвенция ООН 1980 года о договорах международной купли-продажи товаров: постатейный комментарий к положениям, определяющим сферу ее применения. — М. : Инфотропик Медиа, 2013. — 300 с.
5. Богданова Е. Е. Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом // Lex russica. — 2019. — № 7. — С. 108—118.
6. Дмитриева Г. К. Цифровые финансовые активы: проблемы коллизионного регулирования // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 5. — С. 120—128.
7. Кастельс М. Власть коммуникации : учебное пособие / пер. с англ. под науч. ред. А. И. Черных. — М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. — 592 с.
8. Кун Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. — М. : Прогресс, 1977. — 300 с.
9. Мажорина М. В. О коллизии права и «неправа», реновации lex mercatoria, смарт-контрактах и блокчейн-арбитраже // Lex russica. — 2019. — № 7. — С. 93—107.
10. Мажорина М. В. Международное частное право в условиях глобализации: от разгосударствления к фрагментации // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2018. — № 1. — С. 193—217.
11. Мажорина М. В. Сетевая парадигма международного частного права: контурирование концепции // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 4. — С. 140—159.
12. Мажорина М. В. Цифровые платформы и международное частное право, или Есть ли будущее у киберправа? // Lex russica. — 2019. — № 2. — С. 107—120.

Материал поступил в редакцию 4 февраля 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Andriyanov D. V. Lex petrolea i gosudarstvennyj suverenitet: problema sootnosheniya // Konstituciya RF i sovremennyy pravoporyadok : materialy konferencij : v 5 ch. — M. : RG-Press, 2019. — Ch. 3. — S. 123—128.
2. Andriyanov D. V. Mir lex petrolea v mezhdunarodnom chastnom prave: poisk balansa mezhdru zakonodatelstvom i interesami inostrannyh investorov // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafafina (MGYuA). — 2019. — № 10. — S. 164—172.
3. Andriyanov D. V. Razmyshleniya o prave, primenimom k mezhdunarodnym neftegazovym kontraktam, v usloviyah setevoy paradigmy mezhdunarodnogo chastnogo prava // Rossijskaya pravovaya sistema v usloviyah chetvertoj promyshlennoj revolyucii. XVI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya (Kutafinskie chteniya) : materialy konferencii : v 4 ch. — M. : RG-Press, 2019. — Ch. 4. — S. 26—33.

4. Asoskov A. V. Venskaya konvenciya OON 1980 goda o dogovorah mezhdunarodnoj kupli-prodazhi tovarov: postatejnyj kommentarij k polozheniyam, opredelyayushchim sferu ee primeneniya. — M. : Infotropik Media, 2013. — 300 s.
5. Bogdanova E. E. Problemy primeneniya smart-kontraktov v sdelkah s virtualnym imushchestvom // Lex russica. — 2019. — № 7. — S. 108—118.
6. Dmitrieva G. K. Cifrovye finansovye aktivy: problemy kollizionnogo regulirovaniya // Aktualnye problemy rossijskogo prava. — 2019. — № 5. — S. 120—128.
7. Kastels M. Vlast kommunikacii : uchebnoe posobie / per. s angl. pod nauch. red. A. I. Chernyh. — M. : Izdatelskij dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2017. — 592 s.
8. Kun T. Struktura nauchnyh revolyucij. S vvodnoj statej i dopolneniyami 1969 g. — M. : Progress, 1977. — 300 s.
9. Mazhorina M. V. O kollizii prava i «neprava», renovacii lex mercatoria, smart-kontraktah i blokchejn-arbitrazhe // Lex russica. — 2019. — № 7. — S. 93—107.
10. Mazhorina M. V. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo v usloviyah globalizacii: ot razgosudarstvleniya k fragmentacii // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. — 2018. — № 1. — S. 193—217.
11. Mazhorina M. V. Setevaya paradigma mezhdunarodnogo chasnogo prava: konturirovaniye koncepcii // Aktualnye problemy rossijskogo prava. — 2019. — № 4. — S. 140—159.
12. Mazhorina M. V. Cifrovye platformy i mezhdunarodnoe chastnoe pravo, ili Est li budushchee u kiberprava? // Lex russica. — 2019. — № 2. — S. 107—120.